

М.Ю. Ульянов

ИСАА МГУ

Заметки о новой книге по истории Древнего Китая (на пути к созданию академической истории)

Написание всеобщей истории Китая – задача ответственная, сложная и для дальнейшего развития отечественной синологии исключительно необходимая. Нельзя не приветствовать то, что в конце 2013 – начале 2014 гг. был сделан важный шаг в этом направлении: вышел в свет ряд томов из 10-томника «История Китая с древнейших времён до начала XXI века» (гл. ред. С.Л. Тихвинский). Одним из первых появился том 2 «Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.)» (отв. ред. Л.С. Переломов).

В нашей стране попытки написать историю Китая предпринимались и раньше, но ещё никогда не принимали такого масштаба. Древнему Китаю обычно были посвящены разделы очерков и учебных пособий по истории Китая, а также разделы во всеобщих историях, учебных пособиях или в курсах лекций по истории Древнего Востока. Общие монографии по отдельным периодам древнекитайской истории были и остаются редким явлением¹.

Поэтому издание такого труда, тем более в составе 10-томной «Истории Китая», является важнейшим событием в научной жизни, значимость которого выходит за пределы синологии. Неудивительно, что знакомство с ним порождает большое число вопросов, поиск ответов на которые может положительно сказаться на дальнейшем развитии всей отрасли науки. Авторы должны быть готовы к тому, что их книгу воспримут с большим вниманием. И при этом неизбежны отклики и отзывы, и не только хвалебные, но и критические, которые затронут достоинства и недостатки содержания и реализованных авторами подходов.

Работа опубликована в специализированном издательстве «Наука – Восточная литература», несёт на себе гриф одного из востоковедных

© Ульянов М.Ю., 2014

институтов Российской академии наук (Институт Дальнего Востока РАН). Она содержит как уникальный материал, так и ранее публиковавшийся, написанный сотрудниками этого института, которые трудятся или в разное время трудились в нём: Л.С. Переломовым (отв. редактор тома), А.Г. Алексянном, М.В. Крюковым, В.М. Майоровым, В.В. Малявиным, М.Л. Титаренко, М.В. Софроновым. В работе использовано научное наследие выдающихся учёных Н.Н. Чебоксарова (1907–1980), И.С. Лисевича (1932–2000) и К.В. Васильева (1932–1987).

Рассматриваемый труд состоит из введения, шести частей, послесловия, хронологии и хронологических таблиц, избранной библиографии, а также указателей имён и географических названий. Том снабжён цветными и чёрно-белыми иллюстрациями, картами и указателями. Первые три части посвящены описанию эпох: периоду Чжаньго (с. 12–137), империи Цинь (с. 138–238), Империям Западная Хань, Синь и Восточная Хань (с. 239–364). Ещё три части посвящены отдельным вопросам изучения прошлого: четвёртая – этническим, антропологическим и внешнеполитическим аспектам, пятая – материальной и духовной культуре, шестая – языку и литературе. Сильная сторона книги в том, что в ней отдельными главами представлена политическая история. В части I – это глава 1 «Борющиеся царства» (К.В. Васильев; Л.С. Переломов; В.М. Майоров, с. 12–25). В части II – это разделы внутри главы 1 и глава 2 (Л.С. Переломов, с. 188–212, 217–238). В части III – это глава 1 «Хроника политических событий» (В.М. Майоров, с. 239–257) и глава 3 «Задыхающаяся империя» (В.В. Малявин, с. 288–318).

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что данное издание является академическим. Но академическое издание – понятие многоплановое. Это может быть и *академическая история* – фундаментальный научный труд, предназначенный для узких специалистов, и *научное издание*, рассчитанное на специалистов смежных направлений, а также общедоступные *научно-популярные* и *популярные работы* для читателей широкого круга. По отношению к содержанию они могут быть «первичными», то есть включать только новые материалы – результаты исследований, выполненных авторами при подготовке работы, или «вторичными», то есть состоять из материалов в основном или заимствованных, или написанных и опубликованных авторами ранее. По охвату тем они могут быть «общими», то есть описывать политическую, социальную, экономическую и культурную историю страны в отдельный период, а могут быть и «специализированными» – раскрывать какую-либо одну тему: этническую историю, идеологию власти, становление социальных структур, экономическое развитие, межгосударственные отношения и т.п.

Поэтому приступая к чтению данной работы, необходимо узнать, какую задачу ставил перед собой коллектив авторов, какой аудитории они адресовали свой труд, чем руководствовались при выборе модели подбора и комплектования материала, каким видели конечный результат. Поскольку в обращении к читателю (С.Л. Тихвинский) и во Введении (Л.С. Переломов) об этом ничего не сказано, читателю предстоит выяснить это самостоятельно².

Знакомство с книгой показывает, что в ней практически отсутствуют признаки научной монографии: нет сносок на специальные научные труды и упоминающиеся источники; отсутствуют примечания; иероглифы даны в основном не в тексте, а в указателях имён и географических названий, при этом в работе часто встречаются китайские понятия, но указателя терминов нет. В ней не учтены достижения науки последних десятилетий. И самое важное – книга в значительной степени состоит из разделов работ, опубликованных членами авторского коллектива ранее. Не претендуя на полноту, приведём названия монографий, наиболее значительные фрагменты которых составили рассматриваемый том: М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (М., 1983) [46], Л.С. Переломов «Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 г. до н.э.)» (М., 1962) [68]; Л.С. Переломов «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая» (М., 1981) [70, а также 71, 72, 73]; М.Л. Титаренко «Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение» (М., 1985) [83]; В.В. Малявин «Гибель древней империи» (М., 1983) [64]. Глава 1 первой части включает фрагмент текста из монографии К.В. Васильева «Истоки китайской цивилизации» [9], а глава 2 четвёртой части составлена в основном из материалов И.С. Лисевича, опубликованных в различных изданиях и собранных в посмертной монографии 2010 г. [60]. Все эти труды были написаны добросовестно и для своего времени являлись эталонными, но очевидно, что они не составляют библиографической редкости и хорошо знакомы китаеведам. Особняком стоят две главы: одна – по даосизму А.Г. Алексаняна (с. 116–137), другая – по политической истории Хань В.М. Майорова (с. 239–257). Это, по-видимому, те разделы, которые были написаны специально для данного издания (всего около 40 страниц из 640).

Всё это говорит о том, что перед нами не *академическая история*, но *академическое издание*, которое по охвату содержания можно отнести к числу *всеобщих*, по характеру издания – к числу *научных*; по содержанию – *вторичных*, а по аудитории – для *массового читателя*.

«Массовый читатель» непременно заметит, что структура тома вполне оправдана и пропорциональна: авторам удалось охватить разные стороны политической и социально-экономической истории

Древнего Китая, а также материальной и духовной культуры древне-китайского общества. Однако если на состав отдельных частей и глав взглянуть глазами специалиста, то станет ясно, что реализованный подход, для которого характерно совмещение крупных разделов из изданных ранее монографий и отсутствие последующей «сплошной» редактурой, предопределил значительную эклектичность содержания.

Переходя к рассмотрению самой книги, заметим, что мы лишены возможности оценить её в качестве представителя «массового читателя». И поскольку жанр рецензии не предполагает обозрение отечественной историографии 60–80-х гг. XX вв., то уделим основное внимание *структуре* труда и его отдельных частей. К содержанию будем обращаться тогда, когда на некоторые ключевые, на наш взгляд, проблемы стоит взглянуть с точки зрения современных представлений. Сосредоточим наше внимание на Введении, описании исторической (ч. I–III) и этнической (ч. IV) ситуации. Постараемся извлечь уроки, которые могут оказаться полезными в будущем при написании академической истории Древнего Китая.

О Введении

Введение к такого рода трудам прочитывается внимательно, поскольку предполагается, что в нём авторы высказывают свои самые сокровенные мысли, предлагают наиболее продуманные и глубокие идеи. Кроме того, Введение настраивает на восприятие всей книги. Поэтому приходится «копаться в мелочах» и «цепляться к деталям». Что мы и сделаем.

Введение начинается с мысли о том, что периоды Чжаньго, Цинь и Хань могут быть объединены в единую историческую эпоху (с. 8). Заинтересованный читатель вправе ждать объяснения, почему. Нам, например, представляется, что Чжаньго по многим признакам ближе к предшествующему периоду (Чуньцю), для которого также характерен полицентризм, чем к последующему (империи Цинь и Хань).

Автор Введения начал с констатации того, что данная эпоха «занимает особое место в многовековой истории Китая». Но ведь любая историческая эпоха уникальна и уже поэтому занимает особое место. Далее предлагаются следующие объяснения: «Именно в это время зародились в теории и сформировались на практике основные институты китайской цивилизации, не только придавшие ей жизненную устойчивость, но и обеспечившие её стабильное непрерывное развитие в течение тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня» (с. 8).

Оба тезиса вызывают желание поспорить. Ведь специалисты по более ранним периодам приложили немало усилий, чтобы обосновать, что многие из этих институтов возникли уже в эпоху Шан (ок. 1300–1027 до н.э.), а оформились в Западной Чжоу (1027–771 до н.э.) или

уж самое позднее в Чуньцю (771–453 до н.э.). Поскольку ни здесь, ни далее эти эпохи не упомянуты и не охарактеризованы, а связь Чжаньго с ними не показана, то складывается впечатление, что «институты цивилизации» возникли только в Чжаньго. По-видимому, допущена стилистическая погрешность – могут ли институты цивилизации сначала зародиться в теории, а затем сформироваться на практике? И конечно, очень не хватает перечисления этих институтов. Возможно, стоило сказать о государственном культе предков правящей династии или об основных особенностях идеологии высшей власти, например, «небесном повелении» (*тянь-мин*), оправдывающем насильственное свержение власти и др.

Вторая часть содержит высказывание о «стабильном непрерывном развитии... вплоть до...». Тот, кто знаком с историей Китая в средние века и новое время, не может не вспомнить, что значительную часть времени отдельными районами Китая управляли представители соседних народов: гуннов, сяньбийцев, тобгачей, потом киданей, чжурчжэней. Затем весь Китай был завоёван монголами и, наконец, маньчжурами. И разве не принято было считать, что любой период иноземного господства приостанавливал или даже отбрасывал назад развитие китайского общества? В синологической литературе много написано и о том, что средневековые китайские империи десятилетиями пребывали в кризисном состоянии, их раздирали на части «феодалные усобицы», разоряли «набеги кочевников», сотрясали «народные восстания» и «крестьянские войны». Поэтому может быть здесь имеется в виду «устойчивость» китайской цивилизации и её уникальная «долговременность»? Но никак не «стабильность».

Второй абзац Введения указывает на специализацию тома – «этнические процессы», связанные с эволюцией «общности хуася» (с. 8). Это несколько неожиданно, поскольку от всеобщей истории, посвящённой очень важному и сложному времени перехода от полицентризма к империям поздней древности, можно было бы в первую очередь ожидать внимания к различным *историческим процессам*: политическим, социальным, экономическим, и, конечно, культурным. А уже затем – к связанным с ними, но, с точки зрения исторической науки, имеющим подчинённое значение, *этническим процессам*. И хотя в Заключении (раздел «Влияние государства на этнические процессы», с. 633–635) затронута тема сближения этнических процессов с политическими, в самой книге об этом напрямую не сказано, а сам этот раздел написан не с исторической, а с этнологической точки зрения.

Такой разворот в рассматриваемой книге в сторону этнологического подхода определён её компилятивной природой – существенная часть тома состоит из разделов монографии 1983 г. «Древние китайцы

в эпоху централизованных империй» [46]. Но если в специализированной работе приоритет рассмотрения *этнических процессов* оправдан, то использование её материалов в общей истории, включающей и специфический период Чжаньго, о котором в монографии 1983 г. ничего не говорилось, не могло не породить ряд противоречий. Стало ясно, что при написании даже обобщающих работ по истории желательно строго разделять два дискурса: исторический и этнологический, и придерживаться какого-либо одного из них³. Ведь даже понимание такого термина, как «народ» («этнос»), принятое в исторической науке, несколько отличается от существующих в этнологии представлений об «этнотах», «этнических общностях», «этнополитических общностях» и «метаэтнических общностях».

Следует сказать, что о самой концепции этнического процесса формирования «этнической общности *хуася*» сказано только во Введении и Заключение, которые «собраны» из Заключения к монографии 1983 г. Но основные понятия и теория вопроса были описаны во Введении к ней, а более развёрнуто – в предшествующей ей работе 1978 г. «Древние китайцы: проблемы этногенеза» [44]. Поскольку в собственно этнологической части IV об этой концепции не сообщается, читатель тома, узнав из Введения о её существовании, будет лишён возможности подробно познакомиться с её содержанием⁴.

Даже искушённому читателю, который проштудировал все шесть томов «Этнической истории китайцев» и попытался проследить развитие творческой мысли М.В. Крюкова о судьбе китайского этноса, без объяснений понятий этнологической науки и содержания дискуссий, которые велись этнологами в 60–80-х гг., будет непросто разобраться, что к чему⁵. Тем более, что в конце 80-х – начале 90-х гг. его взгляды претерпели определённую эволюцию [50; 51; 52]. В вышедшем в 1993 г. последнем томе «Этнической истории» он писал о возможности разграничивать «этнические общности различных уровней» [53]. Однако попытки вывести из кризиса советскую этнологию, пожалуй, оказались тщетными, коллеги начали отказываться от её теории в пользу социальной и политической антропологии, а сам М.В. Крюков постепенно отошёл от этой тематики.

Кроме того, использование слова *хуася* без широкого этнического контекста заставляет вспомнить об истоках синологии, когда при характеристике «древнекитайской цивилизации» безраздельно господствовала так называемая «нуклеарная теория» с её Хуанхэ- и хуася-центризмом. Но очевидно, что именно этого автор этнологических разделов М.В. Крюков стремился избежать, хотя и путём поиска компромиссов с китайской наукой и традиционными взглядами. Сейчас при характеристике древнекитайской истории и культуры

специалисты стремятся исходить из концепции полицентризма Восточной Азии. Хуасяцентризм выглядит анахронизмом, данью научной традиции прошлого. Создатели древних государств в бассейне Янцзы – земледельцы-рисоводы, жители крупных аграрных очагов Средней Янцзы (царство Чу) и Нижней Янцзы (царства У и Юэ), также внесли немалый вклад в создание «древнекитайской цивилизации». Каждый синолог, узнавая о северном конфуцианстве, узнаёт и о южном даосизме, знакомясь с поэтическими произведениями северян, включёнными в состав *Ши-цзина* («Канона песен»), знакомится и с произведениями *Чу-цы* («Чускими строфами»).

Поэтому, на наш взгляд, обращение к этой концепции в работе 2013 г. было бы оправдано, если бы автор предложил её современное обоснование или интерпретацию, либо уведомил читателей, придерживается он высказанных в прошлые годы взглядов или нет. Исследование оборвалось более двадцати лет назад, и, поскольку в данном томе концепция изложена в её первоизданном виде, читатель остаётся в недоумении: означает ли это, что автор посчитал тему окончательно решённой и закрыл её, или же отказался от её решения в силу отсутствия надёжной теоретической и фактологической базы?

Ниже, при разборе ч. IV, мы вернёмся к ней, и, опираясь на имеющийся материал, попытаемся обозначить некоторые проблемы изучения становления древнекитайского этноса, которые нельзя обойти при написании академической истории.

Далее во Введении затронут вопрос «диалога Востока и Запада» с точки зрения «демонстрации друг другу различных моделей обустройства общества и государства» (с. 10, 11). Автор говорит, что в Китае именно в рассматриваемую эпоху возникла её оптимальная модель, и её творцами стали «*ши* – „книжники“, социальный слой лично свободных интеллектуалов», которые в качестве «идеальных бюрократов» «не только сцементировали китайскую цивилизацию, но и оплодотворили весь конфуцианский культурный регион» (с. 11). Конечно, было бы интересно узнать и об этой модели. В тексте только даётся намёк на то, что в ней должны быть «в оптимальной форме учтены интересы Власти и Народа». И говорится о том, что тогда разрабатывались «два концепта»: «„Народ для Государства“ или „Государство для Народа“». Оба концепта были воплощены на практике. Один – при построении империи Цинь, первого централизованного государства в истории Китая, другой – в период империи Хань» (с. 10). Но почему Хань следует считать «государством для народа»?

В завершение высказывается ещё одна идея – о попытках китайских властей в XX в. реализовать «социальные утопии Конфуция», в том числе «концепцию *сяокан*» («малое благосостояние»). По-

видимому, именно она и является той самой оптимальной моделью обустройства общества, о которой сказал автор.

Итак, во Введении сформулированы следующие приоритетные темы: этническая история древних китайцев (*хуася*), социальные идеи интеллектуальной элиты и воплощение её «социальных утопий». Получается, что, по мнению авторов, история становления «этнической общности *хуася*» и порождённой ею интеллектуальной бюрократии (*ши*), а также разработка и воплощение одной из её утопий (*сяокан*) и есть основное содержание истории периодов Чжаньго, Цинь и Хань. Это достаточно высокий уровень обобщения. Вопрос в том, в какой степени содержание книги «центрировано» на раскрытие этих идей, насколько ясно они описаны, насколько убедительные аргументы приведены в их подкрепление.

О части I «Битва титанов»

Особенность ч. I заключается в том, что в ней об историческом процессе, экономике, культуре периода Чжаньго рассказано сравнительно кратко (гл. 1), а о четырёх направлениях общественной мысли – очень подробно (гл. 2–5): истории уделено 14 страниц, а философии – не менее 111⁶. То есть история Чжаньго для авторов – это в значительной степени история общественной мысли. При этом философия последующих периодов описана более кратко и менее системно, она собрана в разных главах ч. VI: в гл. 1 «Язык, письменность, филологические науки» и гл. 2 «Литература эпохи Чжаньго–Цинь–Хань».

В начале главы указаны хронологические границы периода Чжаньго: 453–221 гг. до н.э. (с. 12). Поскольку в науке высказывались и иные точки зрения, стоило пояснить свой выбор. Так, 453 г. – это дата распада царства Цзинь, где правили члены чжоуской династии Цзи 姬 (потомки Вэнь-вана) и де-факто создание на Великой равнине трёх самостоятельных государств (Чжао, Хань, Вэй), в которых правили представители менее знатных родов из числа региональной знати, чьи фамилии к тому же впервые дали названия царствам. А 221 г. до н.э. – возникновение империи Цинь.

В российской науке реализованы два подхода к описанию истории Чжаньго. К.В. Васильев составил краткий очерк о внешнеполитическом взаимодействии крупных царств [9]. Л.С. Васильев в отдельном, посвящённом периоду Чжаньго, томе своей 3-томной истории Древнего Китая описал внутривосточную историю наиболее значимых царств в динамике внутривосточной борьбы [13].

Авторы рассматриваемого тома остановились на модели К.В. Васильева. Причём, упомянув имя этого учёного, далее (с. 13–16) без

каких-либо оговорок привели текст из его монографии, посвящённой всей древнекитайской истории до конца Чжаньго [9, с. 249–252]. При этом приведённый фрагмент начинается не с 453 г. до н.э., а уже с 408 г. до н.э., и без каких-либо обобщений обрывается на событиях 294 г. до н.э. Далее также без перехода помещён рассказ об экономической истории (с. 16–24), после которого следует начатый с 246 г. до н.э. текст Л.С. Переломова об истории одного только царства Цинь. В результате возник хронологический разрыв в 50 лет. Произошёл резкий переход от описания истории политического взаимодействия между царствами бассейна Хуанхэ (крупный план) к истории одного только царства Цинь (близкий план). Таким образом, можно говорить о чрезмерном сокращении и об отсутствии обобщений, связанных с характеристиками процессов. В составе всей книги очерк К.В. Васильева выглядит как краткое перечисление событий, относящихся к противостоянию трёх царств, расположенных на Великой равнине – Вэй, Чжао и Хань. Остальные крупные царства, прежде всего Чу и Цинь, упоминаются значительно реже.

При такой степени сокращения политическая история оказалась почти полностью деперсонифицирована. Упомянутые в тексте царства живут самостоятельной жизнью: сами вторгаются, воюют, заключают договора и т.п. Упоминания носителей высшей власти в книге есть, но в других главах, и их всего три: циньский Сяо-гун (361–338 до н.э.), который упомянут при рассказе о реформаторе Шан Яне (с. 20), чуский Хуай-ван (328–299) – в связи с некой «проезжей грамотой» (с. 21), циньский Чжуан Сян-ван (отец Ин Чжэна, будущего Цинь Шихуана) – в связи с упоминанием о его смерти (с. 24). В итоге складывается неверное впечатление: будто бы цари в политической жизни периода Чжаньго значительной роли не играли, а других политических деятелей, кроме реформаторов и философов, и не было.

Л.С. Переломов явно с симпатией относится к победе Цинь, называя её «блестящей» (с. 138). Он пишет, что «создание на месте разрозненных царств единой империи с централизованной властью» являлось «прогрессивным шагом в истории развития китайского общества» (с. 25). Здесь не хватает пояснений, почему. Ведь если в политическом отношении создание империи циньцами, возможно, и было прогрессивным явлением, поскольку возникло государственное образование новой, более сложной формы, то в культурном – явилось катастрофой, поскольку были безвозвратно утрачены многие культурные достижения. В Чжаньго наметился значительный цивилизационный рывок, который, на наш взгляд, из-за циньского завоевания не был реализован. Достаточно сказать, что основной методологией науки на столетия оставалась нумерология и натурфилософия.

Что касается экономической истории, то она дана в отрыве от рассказа о социальных структурах, инкорпорирована в описание политической истории и изложена не как характеристика процессов, а путём перечисления фактов, подтверждающих тезис о том, что для Чжаньго был характерен экономический подъём (например, распространение изделий из железа, развитие торговли, рост городов, транспортных связей и т.п.). Указано, что всё это вело к «консолидации различных районов страны» (с. 20).

Социальная структура, социальные отношения и некоторые социальные процессы периода Чжаньго, вопреки ожиданиям, описаны не в этой главе, а в различных разделах ч. II, посвящённой империи Цинь. А о политическом устройстве государств, об аппарате управления, межгосударственных связях и о политической культуре опять же сказано в других разделах, порой неожиданных, например, в рассказе о Конфуции и конфуцианстве (с. 27, 28), а более всего – опять же в следующей части.

Не останавливаясь на разделах по философии, заметим, что гл. 2 о Конфуции и его учении выглядит целостной и читается с интересом. Однако хронологически её содержание относится не к периоду Чжаньго, которому посвящён том, а к Чуньцю, который выходит за его хронологические рамки. А конфуцианство собственно Чжаньго, то есть учения Мэн-цзы и Сюнь-цзы, здесь не упоминается, но описывается в главе о легизме, в котором даже есть отдельный раздел «Мэн-цзы и борьба с легизмом» (с. 92). Дело, видимо, в том, что обе главы принадлежат одному автору (Л.С. Переломову) и, возможно, для него они представляли единый, логически связанный текст. Однако читателя эти заголовки дезориентируют, и если бы их назвать иначе, например, «Основоположник конфуцианства и его учение (период Чуньцю)», «Конфуцианство и легизм: борьба идей (период Чжаньго)», то вопрос был бы снят.

О части II «Первая империя»

Особенность ч. II в том, что по сравнению с историей длительного периода Чжаньго описание кратковременной империи Цинь значительно более развернуто и детально. Её гл. 1 начинается с подробного рассказа о государственно-политическом строе, аграрных отношениях, налогах, ремесле, а не о политической истории. Таким образом, сначала читатель узнаёт об устройстве государства, а затем о проводимых властью реформах. В данном случае это оправдано, поскольку основное содержание политического процесса в правление Цинь Шихуана составляли преобразования, а не политическая борьба как таковая. Хотя и она, конечно, имела место, и об этом стоило сказать отдельно.

В эту часть вошли разделы, посвящённые отдельным аспектам социально-экономической истории. Многие из них, будучи написанными на рубеже 50–60-х гг. XX в., и сейчас заслуживают внимания. Опираясь на парадигмы науки своего времени, но не злоупотребляя выкладками теории исторического материализма и марксистской политэкономии, автор стремился передать историческую фактуру.

Как и в ч. I, не всегда строго соблюден принцип хронологической последовательности повествования. Здесь также встречаются многочисленные сообщения о реалиях периодов Чжаньго и даже Чуньцю⁷. Наиболее значимым, на наш взгляд, является описание органов общинного самоуправления (с. 154–165).

Далее следует подробный рассказ об экономических отношениях⁸. Так же, как и в предыдущей части, здесь много сведений об археологических находках 50-х гг. XX в. Можно только догадываться, насколько более содержательным мог стать текст, если бы работа в этом направлении продолжалась в последующие годы.

Последний раздел гл. 1 относится к политической истории, включая подробное описание преобразований при Цинь Шихуанди⁹. Ключевые же с точки зрения характеристики политического процесса сведения о политической борьбе, приведшей к смерти (убийству?) императора, а также данные о событиях, последовавших после его смерти, почти не упомянуты. Значительно полнее написан раздел, посвящённый внешней политике (с. 209–213), однако читатель должен будет вернуться к этой же тематике в гл. 3 ч. IV.

Гл. 2 «Народная война и падение империи» начинается с раздела «Обострение классовых противоречий», который также написан в рамках исторической теории своего времени, полагавшей классовую борьбу основным механизмом общественного развития. Стоит отметить, что в осмыслении исторического содержания событий в те годы автор прошёл определённый путь. Его первая статья 1956 г. называлась «Крестьянское восстание в Китае в 209–208 гг. до н.э.» [67]. В книге 1963 г. соответствующий раздел получил название «Народная война 209–202 гг. до н.э. и крушение циньской империи». И если статья была написана в рамках парадигмы марксистской методологии, которую применительно к китайской истории активно адаптировали старшие товарищи [77–80], то в книге, вышедшей в разгар «оттепели», и в ряде сопутствующих ей статьях автор явно стремился больше рассказать о самих событиях, а уже затем вскрыть их «классовую сущность» [69].

Понятия «крестьянское восстание» или «народная война» едва ли точно передают содержание процессов в политической борьбе, протекавшей после смерти Цинь Шихуанди. Нам представляется,

что начавшаяся война за циньское наследие может быть названа «гражданской». В период перехода власти это типичное явление. В неё были вовлечены большие массы населения, представители всех социальных групп, в том числе самой многочисленной – крестьян, которые в ней всегда являлись инструментом, но никак не самостоятельными участниками и тем более инициаторами. Во главе этой борьбы стояли представители знати, которые боролись за высшую власть и во время политического кризиса, особенно в ситуации распространения голода, могли легко мобилизовать большие массы людей на социальный протест, направив его для достижения своих политических интересов. В ходе этой борьбы среди различных представителей региональной знати выявлялись фигуры наиболее успешных «военачальников», один из которых становился императором. Поэтому в исторических работах важно описать исходную ситуацию, очертив круг наиболее мощных региональных группировок, а также попытаться объяснить причины успеха одной из них.

Следует учитывать специфику описания в источниках социальных конфликтов в переходные периоды. Например, жанровых особенностей глав источников (в данном случае «Исторических записок» Сыма Цяня), в которых излагаются биографии военачальников. Описания будущих императоров могут носить «житийный» характер, а разделы о проигравших – содержать элементы «памфлета» или даже «пасквиля». То есть они будут преломлять историческую действительность, первые – путём восхваления и включения сверхъестественного, а вторые – явного или скрытого (!) порицания. Их объединяет общая идеологическая задача – легитимация новой власти. В рамках политической культуры традиционного Китая для этого требовалось доказать, что предшествующая власть пала по воле Неба, и выполнил эту волю либо идеальный правитель (например, чжоуский У-ван), либо тот самый народ.

Учитывая это, попытки описать Чэнь Шэна (руководителя антициньского движения за восстановление царства Чу в 209–208 гг. до н.э.) как представителя беднейшей части общинников представляются спорными. Сопровождая отряд работников, который шёл в район циньской столицы, он уже являлся офицером. После вспышки мятежа за ним пошли сохранявшиеся в течение более десяти лет элитные чуские войска, он отбил у циньцев последнюю чускую столицу и при поддержке аристократии был объявлен чуским ваном. Всё это свидетельствует о его принадлежности к чуской знати. В Циньской империи побег знати в деревню, вызванный желанием сохранить жизнь себе и своим детям, был распространённым явлением¹⁰. Также едва ли можно согласиться с тем, что Лю Бан был простым

общинником (с. 229) или даже представителем «низшей чиновничьей прослойки» (с. 225). Конечно, гражданская война усиливает социальную мобильность, но в древности и в средние века происхождение, знатность, принадлежность к той или иной социальной группе играли очень большую роль. Едва ли один из руководителей антициньского подполья чусцев столичный аристократ Люй-гун так легко отдал бы за него свою дочь (будущую императрицу Люй-тайхоу), если бы его социальный статус был столь низок.

Рассказ о событиях 209–202 гг. до н.э. требует описания политического процесса в царстве Цинь, когда пришедшие к власти элиты во главе с Чжао Гао (его роль при возведении Эр Шихуана к власти в книге не освещена) взяли курс на возвращение к ситуации Чжань-го. Важна и реконструкция политического процесса за его пределами, прежде всего в землях Чу, где элиты повели борьбу за создание Великой Чу. Однако вернуться в прошедшую эпоху уже было невозможно, и все, кто мыслил старыми категориями (Чжао Гао, Сян Юй и др.), сошли с политической арены. Возникло государственное образование нового вида (Западная Хань), во главе его стал выходец из самых поздних чуских земель, расположенных на стыке расселения – хуася, чусцев и юэсцев.

О части III «Династия Хань»

Особенность ч. III заключается в наименьшей целостности по структуре, тематике и подходам. Начинается она с небольшого очерка политической истории, написанного, видимо, впервые взявшимся за эту тематику В.М. Майоровым. Затем следует развёрнутое культурологическое описание социальных структур, идеологии власти, обстоятельств зарождения кризиса империи Восточной Хань, написанных В.В. Малявиным, и замыкает часть этнологическая глава о территории и населении империй, принадлежащая М.В. Крюкову.

Гл. 1 «Хроника политических событий», пожалуй, представляет собой первый в российской синологии краткий систематизированный очерк политической истории Западной Хань, Синь и Восточной Хань, которая предполагает упоминание всех императоров.

Поскольку изучение перипетий политической истории ханьского времени едва ли является сферой узкой специализации автора, данный раздел несколько отличается от написанных Л.С. Переломовым, М.В. Крюковым, В.В. Малявиным, которые работали над ними в течение нескольких лет¹¹. Это важно, поскольку специалист уделяет много времени переводу и изучению источников. Опираясь на существующие в науке теоретические представления, а также на результаты своих исследований и выводы коллег, он стремится воссоздать историческое прошлое таким, каким оно могло быть на самом деле.

Любой же другой должен использовать готовые материалы и излагать их содержание, перелагая на свой лад чужие интерпретации¹².

В рассматриваемой книге подробность описания правлений западноханьских императоров не всегда пропорциональна их исторической значимости. А характеристика их содержания не всегда касается наиболее существенных аспектов.

Например, правление первого императора Западной Хань охарактеризовано одним предложением, в котором упомянуто только то, что он часто вёл военные кампании «против своих соратников, которые в равной степени стремились подчинить себе весь Китай» (с. 240). Очевидно, что содержание исторического процесса было значительно сложнее. Характеризуя становление Западной Хань, следует учитывать, что готового плана создания нового государства быть не могло, поэтому, провозгласив Лю Бана императором, остальные его соратники, получившие титулы знатности и владения ещё от Сян Юя, оставались самостоятельными владельцами. Но такая ситуация не могла сохраняться долго. Начался процесс подчинения конкретных владений (а не «всего Китая») центральной власти (а не «себе»). Очень важный аспект характеристики правления первого императора – это интерпретация его ухода из жизни. Из описания последних лет жизни императора мы узнаём о том, что он стремился передать власть не старшему сыну от первой жены из рода Люй, а одному из младших сыновей от жены из другого рода. Уже это обстоятельство и то, что смерть правителя наступила после того, как центральной власти были подчинены все крупнейшие владения, не может не навести на мысль о неизбежном обострении политической борьбы за высшую власть рода Люй, и, соответственно, о большой степени вероятности его насильственной смерти.

Правления выдающихся императоров Вэнь-ди и Цзин-ди объединены в одно сообщение, суть которого сводится к тому, что они не вмешивались «в повседневную политику». Поскольку далее упоминается о том, что экономика процветала, читатель может сделать вывод, что одно являлось следствием другого (с. 241). Это – штамп, они более, чем кто-либо были вовлечены в дела управления, в их правления проводились модернизационные преобразования, которые затронули разные сферы общественной жизни и устройства государства. Собственно благодаря им и оформилась империя Западная Хань. Но их опускают, поскольку в силу историографической инерции все лавры реформатора предназначены следующему императору – У-ди. Его правление, как правило, описывается с точки зрения формирования бюрократического аппарата, конфуцианской идеологии и расширения пределов империи в результате войн с соседями. Однако упускается из

виду, что всё это очень длительное правление было значительно менее стабильным, чем два предшествующие, оно было насыщено острым политическим противостоянием. Правление этого императора отчётливо показывает, что преобразования и внешние походы являются, прежде всего, одной из форм внутривосточной борьбы, которая и требует первоочередного внимания.

Автор при заданном сверхкратком формате справедливо уделит внимание ситуации после смерти У-ди и вполне корректно описал сложившуюся тогда форму управления и охарактеризовал правления Сюань-ди, последующих императоров, описал карьеру Ван Мана и его правление.

В данной главе только в рассказе о Западной Хань и Синь есть деление на разделы, которые соответствуют историческим периодам, однако в отличие от разделов в ч. II они не содержат дат. В описании же Восточной Хань основные этапы политического процесса не выделены. Значительная его часть отведена первому императору Гуан-у-ди. Кроме того, в книге вновь допущена композиционная «чересполосица» – значительная часть истории Восточной Хань будет ещё раз описана в гл. 3 «Задыхающаяся империя». В ней уже другим автором (В.В. Малявиным) более подробно и под иным углом зрения рассказано о политической истории периода – с начала, но не до конца, а только до 169 г., когда набирал обороты политический кризис. Поскольку раздел из гл. 4 монографии В.В. Малявина «Гибель империи» в том не включён, а в очерке В.М. Майорова об этом сказано очень кратко, постольку финал Восточной Хань оказался почти не освещён (с. 257).

В гл. 2 «Власть и общество» представлен развёрнутый рассказ о социальной структуре ханьского общества. Он содержит данные об имперской бюрократии и её идеологии, сведения о структуре управления, а также включает описание сельского общества: от деревенской общины до «сильных домов». Наиболее подробно в отдельном историко-художественном эссе В.В. Малявина описаны идеальные бюрократы Восточной Хань – *ши* (гл. 4). По его словам, это не просто «служилые люди», а «продукт – внесоциальных ... условий», «человеческий идеал и норма культуры» (с. 320). Текст главы не утратил своего эстетического очарования. Историческую полноту же главе могло добавить описание ещё двух социальных групп – евнухов и военачальников. Ведь именно в восточноханьское время впервые в китайской истории они оказались глубоко вовлечены в политическую борьбу и на протяжении десятилетий оставались важнейшими участниками политического процесса. Это же явление будет характерно и для средних веков. Соответственно в Восточной Хань лежат истоки этого явления.

Об экономике ханьского времени сказано значительно менее подробно, чем циньского, и в ином месте (ч. V, гл. 1 «Территория и хозяйство»), но её описание носит не политэкономический, а этнологический характер, поскольку раздел заимствован из монографии 1983 г. «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (с. 426–455).

Далее следует этнологическая часть. Поскольку во Введении дано понятие, что складывание «этнической общности *хуася*» является важнейшим процессом древнекитайской истории, возникает стремление узнать о его содержании. В данной части можно было бы ожидать его раскрытие, ведь в книге содержится раздел о периоде Чжаньго, на который приходится кульминация его развития, а в периоды Западная Хань, Синь и Восточная Хань «произошла значительная консолидация» этой общности (с. 631).

О части IV: кто же такие «древние китайцы» и другие вопросы этнической истории

Как уже говорилось, вся ч. IV «Древние китайцы и их соседи» заимствована из монографии 1983 г. Массовый читатель, незнакомый с этой работой, найдёт в ней много интересного и познавательного для себя. Её гл. 1 «Этнорасовая характеристика» (М.В. Крюкова) посвящена этнологическому описанию ряда окружавших древних китайцев народов; в гл. 2 (Н.Н. Чебоксарова) приведены антропологические данные о некоторых из них, а в главе 3 (Л.С. Переломова) вновь рассказывается о взаимодействии властей империй Цинь и Хань с наиболее отдалёнными соседями: *сюнну*, народами Центральной Азии и государством Наньюэ на юге Китая.

Специалист же, получив возможность ещё раз перечитать их, вероятнее всего заметит, что ни в этой, ни в следующей части так и не сказано, кто такие древние китайцы с этнической точки зрения (по языку, территории, способам ведения хозяйственной деятельности, верованиям и т.п.). В томе есть перенесённый из монографии 1983 г. краткий материал об их расселении (ч. III, гл. 5 «Территория и население в период Хань»), а также замечательный по полноте и разнообразию очерк «Народная культура» (ч. V, гл. 2), посвящённый различным аспектам материальной и духовной культуры. Но все эти данные относятся уже к ханьскому времени, а не Чжаньго.

Специалиста, конечно, заинтересует и раскрытие концепции становления «этнической общности *хуася*» (или древних китайцев?). Упоминание во Введении этой важнейшей для советской этнологии проблемы, которую до начала 90-х гг. в качестве этнолога интенсивно разрабатывал М.В. Крюков, побуждает ещё раз вернуться к

ней и определить, какие среди поставленных в то время вопросов были решены, а какие – нет.

Следует сразу сказать, что в масштабе всей книги выявились пробелы и противоречия, которые в рамках отдельных этнологических монографий 1978 и 1983 гг. были не столь заметны. Они связаны с очевидной незавершённостью (теоретической и содержательной) концепции «этнической общности *хуася*» и с недостатками терминологического аппарата.

Первое обусловлено тем, что концепция построена на теоретической базе советской этнологии 60–70-х гг., основанной на марксистско-ленинской теории (историческом материализме с его представлениями о социально-экономических формациях и пр.), уверенностью в правоте которой у М.В. Крюкова к началу 80-х гг., по-видимому, падала. Понятие «этнические общности» – одно из самых сложных, важных и спорных в советской этнологии [2; 8; 41; 58; 84; 97]¹³.

Второе вызвано тем, что для описания этнологической ситуации в Древнем Китае был использован понятийный аппарат китайской историографической традиции – и древней, и современной, степень научности которых М.В. Крюков, видимо, был склонен несколько переоценивать. Так, при перечислении упомянутых в гл. 1 народов использованы только китайские понятия, при этом ряд народов упомянут в виде этнонимов (*юэчжи*, *усуни*, *сюнну*), ряд по названию государств (когурёсцы, *юэ*, *ба*, *шу*, *дянь*), под традиционными обобщающими названиями (*наньмани* – «южные варвары», *ди* – «северные варвары»). Современная этнолингвистическая атрибуция приведена только в отношении части наиболее отдалённых народов. Терпеливый читатель может узнать, что «малые юэчжи» – это тохары, а «большие юэчжи» – массагеты (с. 366). И уже опираясь на это, ему самому придётся вспомнить, что всё это – индоевропейцы. Другим народам повезло меньше: о том, что *дянь* – это паратайцы, *юэ* – аустроазиаты *вьеты*, а *ба* и *шу* – тибето-бирманцы, читатель может никогда и не узнать¹⁴. Хорошо, автор подсказал, что *наньманей* Средней Янцзы он связывает с «различными группами народов мяо-яо». Но о том, как их соотносить с основным этносом, жившим на Средней Янцзы, и, соответственно, на основе которого возникло царство Чу, – одно из крупнейших государств всей доимперской древности, в главе умалчивается.

Поскольку в академической истории Древнего Китая будет необходимо описывать и этнолингвистическую картину региона, и этнические процессы, то ниже кратко скажем о некоторых проблемах, которые обозначились с выходом рассматриваемого тома.

1. В чём суть концепции «этнической общности хуася»?

Вопреки Введению, описание «этнической общности хуася» и её истории в периоды Чжаньго–Восточная Хань в рассматриваемом томе отсутствует. Только в Заключении указаны три этапа её складывания: VI–V вв. до н.э. (Чуньцю), IV–III вв. до н.э. (Чжаньго), III–II вв. до н.э. (Цинь и Западная Хань) (с. 634–635). Там же упоминаются такие понятия, как «политическая общность» и «государственная общность», но их содержание не раскрывается. О более позднем времени сказано, что «III в. до н.э. – III в. н.э. были периодом не только значительной консолидации этнической общности древних китайцев, но и качественных изменений в самом древнекитайском этносе» (с. 631). Вопрос: каких? – на наш взгляд, также был оставлен без исчерпывающего ответа.

Содержание этнического процесса изложено в монографии 1978 г. Там говорилось, что «в VII–VI вв. до н.э. на Среднекитайской равнине завершился длительный процесс складывания этнической общности „хуася“, которая может быть названа „древнекитайской“. Формирование этой общности происходило в процессе интенсивных контактов (кого? – М.У.) с соседними племенами, говорившими на сино-тибетских, прото-алтайских, аустроазиатских и аустронезийских языках». Далее автор говорит о значительной роли в этом процессе «племен ди», принадлежавших к «скифскому миру», а затем: «В IV–III вв. до н.э. происходит постепенное расширение территории „хуася“. Последняя, однако, не выходила ещё за пределы бассейна Хуанхэ и среднего течения Янцзы» [44, с. 284, 285].

Таким образом, по мысли автора эта общность оформилась в период Чуньцю в результате культурного взаимодействия нескольких этносов, относящихся к различным этнолингвистическим группам. А в период Чжаньго то ли сам этнос, то ли его культура распространились за пределы первоначального расселения.

Из приведённых формулировок складывается впечатление, что автор лишь в общих чертах представлял содержание описываемого им этнического процесса. Недосказанными остались все основные вопросы – отсутствует чёткая этнолингвистическая атрибуция важнейших компонентов этой общности: и самих этнических китайцев, этноса, на основе которого формировалась «этническая общность», и жителей Средней Янцзы, на земли которых, по мысли автора, как-то «расширилась территория хуася».

Упоминание здесь Средней Янцзы представляется вполне справедливым. Но из выстроенной таким образом фразы остаётся неясно, означает ли это, что территория расселения хуася стала включать ещё и Среднюю Янцзы, то есть территорию царства Чу. Далее, оставив в

стороне северных степняков *ди*, выскажем некоторые суждения об этнических китайцах и их ближайших соседях – чусцах.

2. Кто же такие «древние китайцы» этнически?

Напомним, что теория описания древних этносов была изложена в монографии 1978 г. В частности во Введении к ней были названы основные этнические признаки: общность территории, языка, культуры, а также единое этническое самосознание [44, с. 304]. Обе монографии 1978 и 1983 гг., соответственно, и текст рассматриваемой книги структурно выстроены с учётом этой теории, но в них, как уже говорилось, не достаёт чётких этнологических определений конкретных этносов. Так, во Введении к данному тому сразу без какого-либо разъяснения сказано о «компонентах этнического самосознания древних китайцев» (с. 9), о наличии в нём или отсутствии взглядов о «различиях между древними китайцами и „варварами“» (с. 10), в последующих главах говорится о «традиционных верованиях древних китайцев» (с. 104), о «развитии политического и этнического сознания древних китайцев» (с. 109) и т.п.

Некоторые сведения о том, кто же такие в этническом отношении «древние китайцы» есть в монографии 1978 г., но они рассредоточены по разным разделам. Так, из раздела «Ся и мань» можно узнать, что этнические китайцы в древности могут быть названы словом *хуася*, поскольку оно являлось одним из их самоназваний [44, с. 271]¹⁵. В той же книге есть раздел о языковой ситуации Восточной Азии «Генеалогические и ареальные связи языков Восточной Азии» (М.В. Софронова), в котором с позиции лингвиста описана общая лингвистическая ситуация во всём регионе, но о языковой принадлежности собственно этнических древних китайцев не сказано. Читателю-несинологу по некоторым акцентам автора придётся самому установить, что они были сино-тибетцами. Территория их распространения указана М.В. Крюковым в другом разделе на отдельной карте, на которую нанесены царства VII–VI вв. и указаны те, в которых расселялись *хуася*. Но она отражает ситуацию только самого раннего из трёх периодов [44, с. 273]¹⁶.

Восприятие материала осложняется тем, что о «древних китайцах» говорится то в узком, этническом, то в широком, внеэтническом, смысле. Чаще – в качестве определения всей совокупности народонаселения царств периодов Чуньцю и Чжаньго, в том числе и принадлежащих заведомо к иным этносам [44, с. 174, карта 7 и др.].

На наш взгляд, с точки зрения современных представлений, этническими предками древних китайцев можно считать восточных сино-тибетцев, которые расселяясь в зоне умеренного климата, населяли западную и восточную части Средней Хуанхэ (т.е. к западу и востоку

от хребта Тайханшань и периметр Суншаньского нагорья), а также часть Великой китайской равнины, к северу от бассейна р. Хуайхэ, чье хозяйство было основано на сухоходольном просоводстве.

Поскольку была упомянута Средняя Янцзы, где в доимперский период располагалось царство Чу, но этническая принадлежность её населения нигде не определена, постольку рождаются новые вопросы, о которых и скажем ниже.

3. Кто такие чусцы и кто составлял население долинных районов Средней Янцзы?

В обеих монографиях и в данном томе народы бассейна Янцзы вольно или невольно описываются в качестве варварской периферии. Возможно, концепция «этнической общности» была попыткой преодолеть это следствие хуанхэцентризма, но если так, то автор не был достаточно последователен.

Отсутствие внимания к Чу досадно и по той причине, что на протяжении периода Чжаньго его культура и искусство в значительной степени составляли альтернативу чжоуской культуре сино-тибетцев *хуася*¹⁷. Для понимания места чусцев в историческом процессе в ходе рассматриваемой в томе исторической эпохи важно то, что жители Средней Хуанхэ не смогли сами создать долговременных империй – основными участниками борьбы против Цинь и создателями империи Хань были именно чусцы и их элиты¹⁸. И уже объединив Восточную Азию, чтобы управлять ею, они были вынуждены перенести столицу на Среднюю Хуанхэ (в долину р. Вэйхэ) и, в конце концов, воспринять культуру *хуася* как наиболее многочисленного и динамичного в рамках всей империи народа. Но произошло это далеко не сразу, а к рубежу II–I вв. до н.э.

Итак, кто же жил в равнинных сельскохозяйственных районах на Средней Янцзы? В монографиях 1978 и 1983 гг. автор этнической атрибуции жителей земледельческих районов Средней Янцзы – царства Чу не дал [44, с. 65, 72, 76]. В гл. 1 ч. IV её также нет. В книге 1978 г. упомянуто только о том, что они являлись носителями одного из аустрических языков. Избегая этнической атрибуции народов Средней Янцзы, автор тем самым обходит важный вопрос определения государствообразующего этноса царства Чу – долинных поливных рисоводов, а пишет по сути об их предгорных и горных родственниках, образовавших внутреннюю периферию и живших традиционным укладом жизни вне интенсивных контактов с *хуася*¹⁹. В томе есть раздел *наньмани* («южные мани» – варвары), который посвящён описанию народов Средней Янцзы, но не государствообразующего этноса царства Чу, а жителей его внутренней периферии. Он пишет, что в

III–I вв. до н.э. некие «аборигены Чу» не были полностью ассимилированы (кем?), а были оттеснены в горные районы (с. 372)²⁰.

При этом автор (М.В. Крюков) опирается на традиционные китайские представления и терминологический аппарат, а не на современные научные воззрения, которые были изложены в монографии 1978 г. Так ссылаясь на Р.Ф. Итса, он пишет о том, что *мани* «последних веков до н.э. были общими предками мяо и яо» (с. 373). Но данное высказывание вносит ещё большую неразбериху, поскольку внеэтническое понятие *мань* используется автором в качестве этнонима. И получается, что *мяо* и *яо* – это поздние народы, возникшие на основе этих самых *маней*. С этим сложно согласиться, поскольку *мань* и *наньмань* – это традиционное обобщающее название различных народов, живших к югу от этнических китайцев *хуася* (вплоть до островов Индонезии, а не только в землях Чу). А *мяо* и *яо* – это *хмонг-миены*, одна из древнейших ветвей аустрических народов Восточной Азии, которые, если и имели предшественников здесь, то ими были «протохмонги»²¹.

Поэтому, внося ясность, возьмём на себя смелость сказать, что современные представления об этнолингвистической ситуации в Восточной Азии позволяют считать, что основная часть долинных рисоводом в царстве Чу принадлежала к *хмонгам* (кит. *мяо*). Среди них в период Чжаньго не могло быть сколько-нибудь значительного количества этнических китайцев (*хуася*) – просоводов сино-тибетцев, поскольку северная граница Чу не продвинулась далее субтропической части юга Великой равнины²².

Итак, привнесение в рассматриваемый том концепции «этнической общности» и добавление периода Чжаньго заставляет в его исторической части подробнее сказать о политической истории и культуре царства Чу – крупнейшего государства на Средней Янцзы, а в этнолингвистической – дать этнолингвистическую атрибуцию его населения.

4. В чём специфика взаимодействия народов Средней Хуанхэ и Средней Янцзы?

Возвращаясь к проблеме концепции этнической общности, стоит согласиться с её автором в том, что *хуася* развивались в тесном контакте с жителями Средней Янцзы. Более того, народы Средней Хуанхэ и Средней и отчасти Нижней Янцзы были настолько тесно связаны друг с другом, что это позволило говорить о «*двуединстве*» исторического региона Восточная Азия [23; 24]²³.

В результате анализа данных археологии Д.В. Деопик выдвинул предположение, что формирование *хуася* как этноса началось в конце III – первой половине II тыс. до н.э. в результате интенсивных культурных контактов двигавшихся на восток Средней Хуанхэ сино-

тибетцев с протохмонгами (предками современных *хмонгов?*), живших ранее в аграрных очагах восточной части Средней Хуанхэ: периметра Суншаньского нагорья [26]. При этом ядром *хуася* оставались сино-тибетцы – просоводы умеренного климата, полного смешения с местным населением не происходило. Они оставались ближайшими соседями, и между ними сохранялись интенсивные контакты, но в них были вовлечены только верхи обществ. То есть эти культурные контакты имели вид интенсивных *верхушечных связей*. Они не затрагивали широкие массы населения, которые жили в разных климатических зонах (в умеренном климате и субтропиках), говорили на разных языках (сино-тибетской семьи и одном из австронезийских языков, вероятнее всего, хмонгском), принадлежали к совершенно разным хозяйственно-культурным типам (практиковали суходольное просоводство и поливное рисоводство), а также различались по формам социальной организации (община просоводов и община рисоводов).

Чуские элиты с самого начала воспринимали элементы чжоуской политической культуры (набор бронзовых изделий как атрибутов высшей власти и основного комплекса ритуальных предметов государствообразующего культа предков правящей династии, и, соответственно, титулатуру, иероглифику и др.).

Культурное сближение продолжалось и в периоды Чуньцю и Чжаньго, но оно также было характерно для элит. Поэтому на протяжении этих периодов чуские элиты были хорошо знакомы с культурой, традициями и языком северян, ими была воспринята значительная часть чжоуской политической культуры *хуася*. Но сами они от этого *хуася* не становились. Они и в своих землях, и при дворах правителей других царств в речи, в одежде, в религии, в привычках и обрядности оставались носителями чуской культуры.

Другое дело, что созданная чускими элитами империя Западная Хань стала опираться на демографический и мобилизационный потенциал *хуася*, а не чусцев. Это связано с тем, что в силу особенностей вмещающих ландшафтов численность *хуася* была больше, чем у чусцев, для них была характерна и большая мобильность, поскольку они, будучи просоводами, могли перейти в случае переселения к рисоводству, а чусцы, являясь рисоводами, и переселяться из субтропиков на север, и переходить к просоводству физически не могли и не хотели.

Итак, применительно к истории периода Чжаньго необходимо различать живших в бассейне Хуанхэ, на севере и в центре Великой равнины и на западе Шаньдуна *хуася* (по языку – восточных *сино-тибетцев*, по роду занятий – просоводов умеренного климата) и их ближайших соседей – жителей аграрных очагов долин Хуайхэ, Янцзы

и восточного Шаньдуна (аустрических народов, рисоводов субтропиков): *хмонгов* царства Чу, *вьетов* царств У и Юэ, *тибето-бирманцев* царств Ба и Шу и *тайцев* царства Диен (Дянь). Говоря о них, важно отделять тех, кто жил внутри исторического региона Восточная Азия (на Средней и Нижней Янцзы), от живших за его пределами (в Центральной Азии или прото-Юго-Восточной Азии); среди же народов бассейна Янцзы следует отличать создателей государств от их этнических родственников, жителей предгорий и гор, т.е. «внутренней периферии». При рассмотрении этнических процессов следует учитывать, что уже с появления в Восточной Азии первых государств в III тыс. до н.э. восприятие элитарной культуры доминирующего в политическом отношении этноса проходило без ассимиляции в силу действия иных механизмов межэтнического взаимодействия²⁴.

В заключение скажем, что приведённое во Введении рассматриваемого тома «Истории Китая» изящное сопоставление особенностей этнических процессов в древнем Китае и в античном мире периода эллинизма с точки зрения историка представляется неполным, поскольку не учитывает упомянутого феномена «двуединства»²⁵. Текст, который в монографии 1983 г. смотрелся органично, в сводном труде по истории Китая воспринимается иначе. Вследствие добавления периода Чжаньго стало видно, что пара *хуася* – эллины не учитывает вторые половины дальневосточного и средиземноморского миров: для *хуася* – чусцев (и в целом долинных аустрических народов бассейна Янцзы), а для эллинов – римлян. А вот когда выстроилась вся эта четвёрка, разве не точнее сопоставлять *хуася* с римлянами, а эллинов – с чусцами и юэсцами? Ведь римляне подчинили эллинов, а *хуася* в конце концов – чусцев и юэсцев²⁶.

О разном

Здесь скажем о том, чего недостаёт в т. 2 «Истории Китая», а также о том, что вызывает несогласия.

1. **О подходе к написанию истории.** Поскольку во всех трёх частях разделы по истории принадлежат четырём разным авторам и написаны в разное время (первая – в 70-е гг., вторая – на рубеже 50–60 гг., а третья – частично в последние годы, частично в 80-е гг.), постольку политические, социальные и экономические аспекты истории в них представлены с разной степенью подробности и описаны на основе разных подходов и разных приоритетов авторов. «Склейка» разделов из книг, созданных в разные исторические эпохи разными людьми, привела к тому, что в томе господствуют понятия и парадигмы науки советского периода, но в одних разделах они реализованы

более или менее системно (особенно написанных Л.С. Переломовым), в других – произвольно, в силу инерции.

Как описывать каждый из периодов древней истории Китая – один из самых сложных вопросов, решение которого связано с поиском путей обобщения и сокращения материала. В прошлом специалисты уделяли повышенное внимание фундаментальным социально-экономическим вопросам, сейчас – актуализировано изучение политической истории. Отказ от систематизированной и чёткой методической базы исторического материализма заставляет современных историков уделять повышенное внимание теоретической базе исследования.

Мы исходим из того, что история – это не только рассказ о событиях, но и осмысление исторических процессов в политической, социальной, экономической и культурной сферах. При таком подходе задача историков состоит в том, чтобы выявить и охарактеризовать их основное содержание. Ведь каждый период имеет свою ярко выраженную специфику.

Возникает большое число вопросов. Какое место в описании одного периода будет занимать политическая история? Насколько подробно и как она будет описана? Если это история Чуньцю или Чжаньго, то нужно ли описывать историю отдельных царств? Если да, то – каких? Какие исторические персоналии и в каких случаях должны быть упомянуты? В какой пропорции совмещать данные письменных и археологических источников? И многие другие.

Ключевые для понимания истории Чжаньго процессы в социально-экономической области связаны с особенностями политического и экономического освоения аграрных очагов Великой равнины, в политической – с рассмотрением исторической судьбы наследников царства Цзинь: царств Вэй, Чжао, Хань. Много внимания уже было уделено причинам усиления царства Цинь, однако всё ещё требуют рассмотрения особенности внутривнутриполитических процессов и внешнеполитических событий, которые привели к тому, что такие мощные царства, как Вэй, Чу, Чжао, были покорены циньцами и утратили суверенитет.

При написании политической истории ханьского времени важнейшей задачей является характеристика политического процесса в целом, каждого из его этапов (периодов) и правлений в отдельности. Сложность представляет сочетание изложения хода протекания политической борьбы и характеристики этапов становления государственных институтов. Описывая политическую борьбу, следует назвать её основных субъектов, охарактеризовать цели, которые они преследовали, методы, которые они использовали, и результаты, которых они достигали. Большим соблазном является описание внешнеполитической истории в отрыве от внутривнутриполитической. И наоборот.

Поскольку интегральную оценку эпохе даёт описание духовной культуры, очень важно выбрать такие её элементы, которые показали бы то, как в период Чжаньго шёл процесс культурной унификации всего геополитического поля Восточной Азии и создания там единого культурного пространства. А при описании Ханьского времени – как формировалась новая имперская культура и чем она отличалась от предыдущего периода.

2. **Об источниках.** В исторических разделах ничего не сказано о письменных и эпиграфических источниках²⁷. Некоторые письменные источники описываются в разделе о литературе, собранном из различных работ литературоведа И.С. Лисевича (с. 557–564), но очевидно, что литературоведческое описание не всегда отвечает задачам их характеристики как исторических источников. Соответствующий раздел так и называется «Историческая литература» (с. 557–564).

3. **Об историографии.** В книге полностью обойдена современная историография. Видимо, во Введении или в Заключении стоило упомянуть о том, в каком направлении развивалась хотя бы отечественная китаистика²⁸. Тем более, что значительная часть новых публикаций вошла в составленную специально на такой случай «Избранную библиографию по истории Древнего Китая» [89].

4. **О терминологии.** Казалось бы простой вопрос: как называть китайское государство. В разделе о Чжаньго одни государства называются «царствами», другие «владениями» (Юэ, Ба, Шу), а в других разделах – ещё и «княжествами» (с. 35, 524, 540 и др.). Однако в контексте периода Чжаньго «царства» – это *го* 國, а «владения» – это *и* 邑, которые, в отличие от царств, были лишены государственного суверенитета и управлялись местной знатью (*да-фу* 大夫). А вот применительно к периоду Западной Хань *го*, на наш взгляд, лучше переводить как «владение», а не «княжество» (с. 241 и др.), и тем более не «удельное княжество» (с. 241) именно по той же самой причине. Ещё менее удачен привнесённый М.В. Майоровым термин «удельное царство» (с. 240). Заметим, что этот автор искал эквиваленты для передачи важных реалий ханьской эпохи: *ван го* 王國 – «удельные княжества», а *хоу го* 侯國 – «удельные владения». Возможно, лучше переводить «владения *ванов*» и «владения *хоу*». Так сохраняются важные компоненты понятий – *ван* и *хоу*, указывающие на различный статус представителя титулованной знати, и снимается ненужная ассоциация с реалиями средневековой русской истории.

В книге мы сталкиваемся со специфическим употреблением слова «династия», характерным для отечественной китаистики, при котором два различных понятия, «государство» и «династия», оказываются взаимозаменяемыми. По сложившейся привычке «династиями»

называют то, что в трудах по истории других стран принято называть «государствами». Тем не менее, их необходимо разграничивать: *династия* – правящий в *государстве* род, потомки основателя государства одной фамилии. Например, в царстве Цинь правила *династия* Ин, в империях Западная и Восточная Хань – Лю и т.п. Ведь достаточно вспомнить из отечественной истории, что в государстве Киевская Русь правила династия Рюриковичей, в Золотой Орде – Чингизидов, в Российской империи – Романовых. Предлагаемое же словоупотребление ставит в тупик и заставляет задуматься: а может быть вслед за синологами начать говорить «династия Российская империя» или «династия Золотая орда»? Но вряд ли это начинание найдёт одобрение среди историков. Досадно, что такое словоупотребление вошло в названия томов 10-томника. Например, том 5 назван «Династия Юань и Мин», но поскольку хорошо известно, что в Китае с XIII по XIV вв. правили монгольские правители, потомки Чингиз-хана, возникает нелепый в общем-то вопрос: какое положение при «династии Юань» занимали члены «династии Чингизидов»?

Некорректное использование этого важнейшего термина исследования политической истории лишает историка возможности анализировать особенности политической борьбы с точки зрения внутридинастической ситуации, поскольку утрачивается смысл большого числа важнейших исторических понятий: «внутридинастическая борьба», «династическая политика», «династический брак», «правящая династия», «родственники династии по мужской или женской линии», «династический кризис», «вырождение династии», «прерывание династии» и т.п.

Нельзя не упомянуть терминологическую сумятицу в гл. 3 ч. IV. М.В. Крюков применительно к империям Цинь и Хань пишет: «правящий класс империй в лице крупных землевладельцев-работодателей...» (с. 390). А несколько раньше, применительно к тому же времени, рубежу Цинь и Хань, другой автор, В.М. Майоров, в отношении той же социальной группы смело использует понятие «феодалы» (с. 240). Почему бы не сказать проще и без противоречия: «родовая знать» и «крупные землевладельцы»?

В контексте эпохи Чжаньго неудачен термин «страна», поскольку на территории всей Восточной Азии до 221 г. до н.э. никогда единой страны не было, а было единое геополитическое пространство, внутри которого шли интенсивные культурные контакты, расширялись и углублялись экономические связи.

Авторы и исторических, и этнологических разделов, описывая соседей жителей бассейна Хуанхэ, часто используют понятие «племя» даже в отношении государственных народов или государств²⁹.

5. **О религиозной жизни общества.** В книге почти ничего не сказано о религиях, священнослужителях, религиозных или светских церемониях, предполагавших жертвоприношения. Никак не описаны основные государственные культы. Есть раздел «Бытовые аспекты духовной культуры», в котором описаны некоторые обряды, праздники, но народным верованиям посвящён лишь один абзац (с. 502) и чуть больше – «вере в загробную жизнь» (с. 505–506).

6. **Прочее.** В тексте много специальных китайских понятий, но указателя терминов нет. В книге содержатся хорошего качества иллюстрации, но их расположение зачастую оставляет желать лучшего – очень часто они оказываются не на своем месте. Среди них есть изображения исторических деятелей древности, нарисованные современными китайскими художниками, которые никак не отражают их портретных черт.

Итоги

Выход в свет данного тома является значительным событием в научной жизни нашей страны.

В ближайшем будущем публикация всего 10-томника при наличии уже изданной 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая» и большого числа переведённых на русский язык источников создаст в синологии новое информационное пространство, которое необходимо осмыслить.

Специфика рассматриваемой книги заставляет нас отнестись к ней в первую очередь как к культурному явлению, самым значимым результатом которого стал повод задуматься о будущей *академической истории* Китая и извлечь уроки, необходимые для её создания. Благодаря ей появилась возможность увидеть последствия двух реализованных подходов: «соберите лучшее из написанного ранее» и «возьмите мои старые материалы, ничего нового писать не буду».

Авторы и редколлегия, вероятнее всего, стремились создать популярное и общедоступное научное издание. Если считать, что целевой аудиторией является «массовый читатель», то цель достигнута – в его руках окажется внушительный том, написанный специалистами, не отягощённый научным аппаратом, но обильно снабжённый иллюстрациями, в котором рассказано о самых разных сторонах истории и культуры древнего Китая. Однако, увы, первым, кто ею заинтересуется, непременно окажется китаист, и, скорее всего, именно древник или медиевист, которого неизбежно постигнет разочарование, поскольку подавляющая часть разделов книги уже была опубликована ранее и довольно давно.

Какие уроки можно извлечь из рассмотрения данной книги? Возможно, некоторые из них банальны, но, тем не менее, раз книга вышла и вышла именно в таком виде, их следует «озвучить»:

1. *Диалог с читателем.* Многое прояснилось бы, если бы авторы вели постоянный диалог с читателем, например, указали жанр своего труда и определили, какому кругу читателей он адресован. Такой диалог, тем более в популярной книге, уместен и во Введении, и в основном тексте работы – он может быть направлен на объяснение терминов, понятий, научных идей, концепций, а также на обоснование приоритетов авторов. Например, большой объём описания общественной мысли периода Чжаньго, и значительно меньший – Западной и Восточной Хань не означает, что после Чжаньго в Китае философии не было, просто она менее изучена в российской историографии, менее известна и не столь интересна авторам тома.

2. *Популярная работа.* Научная монография, лишённая научного аппарата, не становится популярной работой, поскольку монография по своей сути преследует иные, узкопрофессиональные, цели – в ней приводятся различные теории и концепции, а также взгляды, носящие порой гипотетический или дискуссионный характер. Написание же популярных книг предполагает изложение устоявшихся представлений. Общеизвестно, что это один из самых сложных жанров, который требует сочетания глубоких знаний, изящества слога и лёгкости мысли. Все помнят, какие прекрасные популярные книги по истории древности и античности писали М.Л. Гаспаров и А.И. Немировский. В синологии таких книг немного, на наш взгляд, лучшая – Я.М. Света о плаваниях адмирала Чжэн Хэ [76]. Да и что далеко ходить – автором ряда замечательных произведений этого жанра является В.В. Малявин.

3. *Упорядоченная структура.* Подход, связанный с механическим совмещением отдельных частей различных книг, не мог не привести к нарушению пропорциональности глав, терминологической и теоретической сумятице. Восприятие материала затрудняет постоянное нарушение хронологической последовательности изложения, он начинает казаться каким-то «пазлом», собирая который, приходишь к пониманию, что всякий раз описание либо неполно, либо недостаточно систематизировано. Поэтому принципы хронологической последовательности, «подобное к подобному» и от «общего к частному», остаются незыблемыми, если речь идёт о научном труде.

4. *Ответственный редактор.* Чтобы добиться этого, необходима итоговая редактура, направленная на переработку написанного отдельными авторами в соответствии с указанными требованиями. Как это ни тривиально, но труд должен быть вычитан и унифицирован

научным редактором коллектива до того, как попадёт к редактору издательства.

5. *Признание нерешённых научных проблем.* Изучение и тем более описание древней истории – дело непростое, поэтому важнейшая задача авторов не только в том, чтобы рассказывать о более или менее устоявшихся сведениях, но и в том, чтобы открыто называть нерешённые научные проблемы. Две упоминавшиеся этнологические монографии нисколько бы не потеряли в глазах читателя, если бы в них было сказано о том, что авторы по тем-то и тем-то причинам затрудняются дать точную этнолингвистическую атрибуцию основных этносов.

6. *Эффективность проектного подхода.* Все использованные в данном томе работы являются примером успешной реализации многолетних индивидуальных научных проектов: Л.С. Переломова по изучению истории царства Цинь и конфуцианства, М.В. Крюкова – по этнической истории китайцев, В.В. Малявина – по истории духовной культуры традиционного Китая. При этом, М.В. Крюков являлся научным руководителем В.В. Малявина в написании диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Сильные дома и идейная борьба в Китае II–III вв.», текст которой лёг в основу названной монографии [63]. Примером удачного воплощения коллективного проекта остаётся 6-томная «Этническая история китайцев», в которой все названные учёные выступали в качестве соавторов.

Однако поскольку в последующие годы эти проекты – изучение Цинь, этнической истории китайцев и бюрократии из числа *шан* отошли на второй план или были прекращены, то, когда через несколько десятилетий появилась возможность (необходимость) составить свой том в первой в истории отечественной синологии многоотомной истории Китая, ответственному редактору не оставалось ничего другого, как использовать написанное десятки лет назад. Попытка В.М. Майорова «сходу» дать концептуальное описание политического процесса в поздней древности едва ли могла быть удачной именно по причине того, что вероятнее всего, оно создавалось по случаю, а не в результате целевого проекта.

Об академической истории. Появление т. 2 «Истории Китая» поставило перед членами академического сообщества задачу *создания академической истории*³⁰. Академическая история – это эталонный текст, являющийся незаменимым подспорьем не только при знакомстве с историей как таковой, но и для написания специальных трудов по истории религий, философии, литературы, искусства и др., для которых необходимо краткое, но чёткое и верное изложение исторического контекста.

О подходах к написанию. Написание *академической истории* накладывает немалую ответственность на авторский коллектив и требует кропотливой подготовительной работы. От подобных изданий читатель вправе ожидать продуманности и чёткости в изложении материала, аккуратности и взвешенности суждений, последовательности и концептуальности в обосновании своих умозаключений. А также того, что в ней будут отражены основные достижения предыдущего периода, учтены новые данные и тем самым представлены результаты развития науки на момент её издания.

Академическая история может быть и первичной, и вторичной – по возможностям коллектива.

Её признаками являются:

— целостность замысла и единство его воплощения (отдельные авторы могут высказывать разные точки зрения, но они оговариваются в ходе диалога с читателем; сборник статей и антология изданного – это иные жанры);

— сбалансированность и соразмерность в подаче разнородного материала;

— новизна: учёт достижений национальной и зарубежной историографии последних десятилетий; наличие сообщений и обобщений, отражающих современный уровень науки;

— подведение итогов в исследованиях и демонстрация перспектив развития.

Структура отдельных томов должна включать вводную часть, в которой излагается периодизация, характеризуются источники и историография, описываются природные условия, и основную часть, которая содержит разделы о политической истории, социальных структурах, хозяйственных отношениях, духовной и материальной культуре. Задача специалистов – решить, как их характеризовать. В частности, с чего начинать описание отдельного периода: с динамически изменяющейся политической ситуации; со сравнительно статических (в рамках периода) характеристик социальных и экономических процессов или с описания индивидуального портрета общества – его духовной культуры.

О роли коллективных проектов и их руководителей. Особенность российской синологии в том, что наиболее успешными становились индивидуальные проекты (вспоминаются Р.В. Вяткин и В.С. Таскин с переводом *Ши-цзи*). Но академическая история, особенно первичная, как показывает рассмотренный выше труд, может появиться только в результате коллективных проектов, в рамках которых члены коллективов целенаправленно и последовательно работают в течение сравнительно длительного времени. Оптимально, если участники проекта готовятся к этому уже с учебной скамьи [88].

Для осуществления проекта следует привлекать самый широкий круг специалистов, принадлежащих к разным научным школам и работающим в разных научных подразделениях, и как авторов, и как консультантов. Необходимо заранее выработать общую концепцию издания, установить подходы и согласовать теоретические положения и терминологию. По мере написания желательны регулярные обсуждения разделов заинтересованными специалистами. Успех проекта во многом зависит от ответственного научного редактора тома, старшего, умудрённого научным и житейским опытом коллеги, который пропустит через себя каждую строчку и будет держать в тонусе весь коллектив до выхода работы в свет. Именно он, умея видеть структуру всего тома, сколь бы сложной и многоплановой она ни была, должен провести унификацию подходов, терминологии, обеспечить научное общение авторов друг с другом и с читателем.

Итак, какова будет реакция «массового читателя» на выход данного тома – сейчас сказать сложно, можно лишь выразить надежду, что положительная. Гораздо легче предвидеть, что среди коллег-китаистов возникнет немало откликов, в которых будут сделаны попытки оценить предложенные авторами модели и подходы к описанию истории Древнего Китая. Кого-то они удовлетворят, кого-то – нет. Следует ожидать, что обсуждение этого и других томов вызовет «поток конструктивной критики» и «лавину ценных замечаний». И как знать, может, именно после этого начнётся новый этап в развитии отечественной синологии. Как бы то ни было, следует поблагодарить авторов тома за их многолетний труд. И будем надеяться, что публикация этой книги подтолкнёт синологов-древников к ответственной, планомерной и вдумчивой работе, которая приведёт к реализации научных проектов и созданию академической истории Древнего Китая.

Примечания

¹ Специализированных трудов об истории Китая с разделами о древности в довоенное время было немного. В 1924 г. вышел очерк Мамаева И.К., Колоколова В.С. [62]; в 1925 г. – очерк Попова А.Д. [74], в 1927 г. – книга К.А. Харнского [96], в 1933 г. – Г.И. Сафарова [75]. Истории Древнего Китая были посвящены изданные на стеклографе в 1939 г. в Институте востоковедения имени Нариманова тиражом 30 экземпляров лекции Г.С. Кара-Мурзы [39]. Раздел об истории Древнего Китая был помещён в учебном пособии по истории Древнего Востока мэтра египтологии В.В. Струве, изданном в 1941 г. [82]. Это стало новацией, поскольку в классической «Истории Древнего Востока» Б.А. Тураева (1935–1936) раздела о Древнем Китае не было. Не было его и в первом издании учебника В.И. Авдиева с тем же названием (1948 г.).

50-е гг. ознаменовались выходом в свет второго издания классического вузовского учебника по истории Древнего Востока, написанного египтологом В.И. Авдиевым, куда вошёл раздел по Древнему Китаю [1]. Тогда отечественные синологи не претендовали на «истории», а писали «очерки», причём не только для взрослых [77], но и для детей [15]. Разделы по Древнему Китаю были в многотомной «Всемирной истории» [17]. В 1-ом томе о ранней древности писал Л.И. Думан (гл. XVII «Древнейший Китай (до XII в. до н.э.)»; гл. XXVI «Рабовладельческое общество Китая в XII–VI вв. до н.э.»), во 2-ом – о поздней – Т.В. Степугина (гл. XIV «Китай в V–III вв. до н.э.»; гл. XV «Китай в конце III – начале I вв. до н.э.»; гл. XVI «Китай в середине I в. до н.э. – II в. н.э.»). Книги по истории Китая, как всеобщей, так и древней, тогда переводили с китайского [90; 66]. Переводили и монографические работы китайских специалистов, например, Го Можо [19; 20].

В начале 60-х традиция написания «очерков» продолжилась [38]. В 1961 г. вышла первая специальная монография, посвящённая социальным и экономическим отношениям в Древнем Китае, написанная Л.С. Васильевым [10]. А в следующем 1962 г. увидела свет первая монография, посвящённая отдельному периоду древности, империи Цинь, Л.С. Переломова [68].

В 70-е гг. было подготовлено учебное пособие «История Китая с древнейших времён до наших дней», в котором разделы по древности были написаны М.В. Крюковым и Л.С. Переломовым [36]. В конце 70-х гг. был написан и затем многократно переиздавался базовый учебник истфака МГУ «История Древнего Востока» под редакцией В.И. Кузищина, в котором о Древнем Китае также написал М.В. Крюков [33]. В 1976 г. вышла монография Л.С. Васильева, в которой суммировались существовавшие в историографии представления «о возникновении цивилизации в бассейне Хуанхэ» [11]. В 1977 г. – первая археологическая монография С. Кучеры, которая содержала систематизированные выписки из работ китайских археологов от палеолита до Шан включительно [55]. На рубеже 70-х – 80-х гг. начал реализовываться уникальный проект по написанию этнической истории китайцев, в 1978 г. вышел первый том [44], а в 1983 г. – второй [46].

В 80-е гг. увидел свет трёхтомный курс лекций «История Древнего мира» под редакцией И.М. Дьяконова [35]. В них разделы по истории Древнего Китая также были написаны Т.В. Степугиной (т. 1: лекция 20 «Первые государства в Китае»; т. 2: лекция 27 «Расцвет рабовладельческого общества в Китае», лекция 28 «Идеология и культура Китая»; т. 3: лекция 6 «Китай в первой половине I тысячелетия н.э.»). Ей же принадлежит раздел «Древнекитайская цивилизация» в коллективной монографии 1989 г. «Древние цивилизации» [28]. В 1983 г. появилась следующая монография Л.С. Васильева, посвящённая ранним государствам [12]. В том же году вышла первая и единственная пока монография по истории Восточной Хань В.В. Малявина «Гибель древней империи» [64].

В 90-е гг. был возобновлён жанр учебных пособий по истории Китая: вышло 1-е издание «Истории Китая» под ред. А.В. Меликсетова, в котором автором разделов по древности выступил Л.С. Васильев [37]. В 1996 г. была опубликована монография С. Кучеры по палеолиту Китая [56]. Значительным

событием стал выход в свет созданного ещё в начале 80-х гг. труда К.В. Васильева «Истоки китайской цивилизации» [9]. Ещё одним событием следует считать начало публикации 3-томной монографии Л.С. Васильева «Древний Китай» (1995–2006) [13]. В конце 90-х им же был издан двухтомник «История Востока», куда вошли разделы по истории Древнего Китая [14].

В начале 2000-х вновь возродился жанр очерков [65]. Тогда же, в 2002 г., начала издаваться 6-томная «История Востока», в 1-ом томе которой разделы по истории Древнего Китая вновь были написаны Т.В. Степугиной (гл. XII «Древнейший Китай», гл. XXIII «Китай во второй половине I тысячелетия до х.э. – первые века христианской эры», гл. XXIV «Культура древнего Китая»), а о мировоззрении было доверено написать Е.А. Торчинову (разд. 7 в гл. XXXIII «Коренные перемены в мировоззрении») [31]. Через два года в коллективной монографии «Государство на древнем Востоке» был помещён развёрнутый обзор древнекитайской истории, также принадлежащий Т.В. Степугиной [81]. В том же году материалы К.В. Васильева, ранее вышедшие отдельной книгой, были переизданы в составе третьего тома академической истории Древнего Востока (гл. 3 «Древнейший и древний Китай»), они были дополнены разделами «Культура древнего Китая» (Т.В. Степугина) и «Искусство древнейшего и древнего Китая» (К.А. Вязовикина) [34]. Это сделало их доступными для историков-древников разных специальностей. В завершении десятилетия вышла коллективная монография «История Китая: древность, средневековье, новое время», в которой разделы по древности вновь принадлежали Т.В. Степугиной [5]. В двух учебных пособиях по истории Древнего Востока разделы о Древнем Китае были написаны коллегами других специальностей: индологом и ассириологом [16; 57].

Тогда же массово стали издаваться переведённые вне академической среды научно-популярные и популярные истории Китая зарубежных авторов XX в. [21; 29; 40; 42; 92], реже – научные труды по отдельным периодам [30; 59; 61], а также подготовленные вне академической среды широкоохватные отечественные компиляции [3; 22].

В начале 2010-х гг. возродился жанр академических всеобщих историй. В 2011 г. Институтом всеобщей истории РАН РФ был подготовлен 1-ый том, в который вошли разделы по Китаю, написанные С. Кучерой при участии Д.В. Деопика и М.Ю. Ульянова: «Древний Китай (III–II тыс. до н.э.)», «Китай: от полицентризма к империям» [18, с. 150–168, 357–373]. Продолжалось создание учебников по Древнему Востоку, в которые включались разделы по Древнему Китаю. В последнем переиздании «Истории Древнего Востока» истфака МГУ 2012 г. разделы, написанные М.В. Крюковым, были заменены на тексты С. Кучеры [54].

Таким образом, в российской китаистике с 1950-х по 2000-е гг. автором большинства обзоров древнекитайской истории в научных изданиях являлась Т.В. Степугина, а для написания разделов в учебниках сначала приглашался М.В. Крюков, которого затем сменили Л.С. Васильев и С. Кучера. Именно они формировали представления о Древнем Китае в нашей стране.

² В качестве примера диалога с читателем можно привести Введение к посвящённому древности 1-ому тому новой «Всемирной истории», написанное

В.И. Уколовой, одним из его ответственных редакторов: «Перед авторами этого тома стояла сложная *задача*: дать *компактное* научное освещение истории древнего мира и ответить на запросы *широких кругов читателей*, интересующихся, но *профессионально ею не занимающихся*». Она обратила внимание на то, что при таком подходе «осуществить сколько-нибудь исчерпывающее изложение древней истории в столько ограниченном объёме оказалось *невозможным*... Этот труд носит концептуальный характер, но концептуальность служит лишь *средством общения*, а не методом подачи материала». И предупредила: «Читатель не увидит в томе привычного *академического инструментария* в виде справочного аппарата и обильных сносок...». Целеполагающая часть Введения завершается словами: «В этом труде *не преследовалась цель* единообразного жёстко согласованного освещения истории древнего мира. Здесь представлены разные ракурсы подачи исторического материала, воспроизводимые с достаточной степенью интерпретационной свободы ...» (выделено мною. – М.У.) [18, с. 12]. Всё ясно! Эти слова настроили и профессионального историка, и представителя «широкой общественности» на адекватное восприятие материала: первый знает, чего не следует ожидать, а второй знает, на что рассчитывать.

³ Разграничение сфер интересов истории и этнологии – тема, часто обсуждаемая этнологами и почти никогда историками. На эту тему высказывались классики советской этнологии (см. [6]), большое внимание ей уделял и этнолог-китаист М.В. Крюков, который в одной из теоретических работ, написанных совместно с Ю.В. Бромлеем, детально рассмотрел различие подходов этнологов и историков [7].

Историков и этнологов объединяет то, что их взгляды обращены в прошлое, и они рассматривают интересующие их явления в их исторической динамике. Однако историки концентрируют свое внимание на характеристиках, лежащих вне сферы идей и представлений. Например, политический процесс, социальное устройство и формы властных отношений, основные способы ведения хозяйственной деятельности, формы земельной собственности и хозяйственных отношений, политическое подчинение и т.п.

⁴ В.А. Тишков в работе 2003 г., практически отождествив понятия «народ» и «этническая общность», дал такое этнологическое их определение: «*группа людей, члены которой имеют общие название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности*» [85, с. 60, 61]. Здесь точкой отсчёта является культурная составляющая, общественное сознание группы людей – осознание ими своего культурного единства.

⁵ Это была серьёзная дискуссия, которую М.В. Крюков старался привести в синологию именно как этнолог. О её результатах он писал в двух названных монографиях и в ряде статей [43; 45]. Поиски продолжались и в последующие годы [47; 49]. М.В. Крюков во второй половине 80-х гг. стал инициатором дискуссии об «исторических типах этнических общностей», которая отражена в статьях разных учёных, опубликованных в «Советской этнографии» за 1986 г. Тем самым в начале «перестройки» он принял активное

участие в десталинизации методологии своей науки. Но когда в начале 90-х гг. изменилась парадигма науки, адаптироваться самим и адаптировать свои идеи к новым условиям оказалось под силу не всем специалистам.

⁶ В гл. 1 сведениям о политической истории отведено почти 6 страниц (с. 13–16, 24–25), рассказу об экономике – почти 9 (с. 16–19, 20–24), а описанию культуры – всего около трети страницы (с. 19). По сравнению с исторической, каждая из философских глав по объёму больше. Так, гл. 2, посвящённая конфуцианству, занимает 53 страницы (с. 26–78), гл. 3 о легизме – 21 страницу (с. 78–99), гл. 4 о моизме – 17 страниц (с. 99–116), а гл. 5 о даосизме – 21 страницу (с. 116–137).

⁷ Так, если раздел «Политическое устройство империи» отражает в основном реалии империи Цинь (с. 138–143), то содержание раздела «Центральный государственный аппарат» связано с Чжаньго (с. 143–148). Далее описываются местные органы власти (с. 148–154) и органы общинного самоуправления (с. 154–165), из которых многие существовали и в период Чжаньго. Соответственно, в рамках книги их место в ч. I, а здесь можно было бы оставить описание особенностей их взаимодействия с циньской администрацией.

⁸ Первый раздел гл. 1 «Развитие частной земельной собственности и характер общины» (с. 165–172) вновь почти не касается Цинь, одна его часть описывает реалии Чуньцю и Чжаньго, другая – Восточной Хань (с. 170–172). Более или менее к циньскому времени относится раздел о формах эксплуатации и о наёмном труде (с. 172–174), а раздел о рабстве (с. 174–179) вновь относится к Чжаньго и даже Хань. Только следующий раздел «Государственные налоги и повинности» (с. 179–183) полностью посвящён империи Цинь. Далее рассказывается о государственном и частном ремесле (с. 183–188) – тоже в основном о Цинь.

⁹ При описании реформ сначала речь идёт о реформе законодательства (с. 188–195), при этом автор сразу уходит на очень большую глубину и досконально излагает различные аспекты правовой культуры циньского общества. Далее он столь же подробно говорит о реформе денежной системы (с. 195–196), унификации единиц измерения (с. 196–198) и письменности (с. 198–200), а также о ряде других мероприятий (с. 200–208).

¹⁰ Сам автор в одной из своих статей о ситуации в империи Цинь писал: «В источниках встречаются также сообщения о том, что в числе лиц, уклонявшихся от подворных записей и оставлявших на произвол судьбы свои поля и жилища, имелось немало знатных» [69, с. 83].

¹¹ Автор в изучении древности не новичок, им был выполнен перевод конфуцианского канонического произведения *Шу-цзин* и дано его развёрнутое описание [98].

¹² Некоторые неточности, возникшие при таком подходе, даже сложно комментировать. Например: «Оба эти человека (Сян Юй и Лю Бан. – М.У.) были выходцами из бывшего царства Ци (территория нынешней пров. Цзянсу) на востоке Китая. Сян Юй на самом деле был уроженцем южного царства Чу и принадлежал к семейству потомственных военных» (с. 240). «Быть выходцем» и «быть уроженцем» – это синонимы. Поскольку уже вышел полный

русский перевод труда Сыма Цяня с комментариями Р.В. Вяткина, из их жизнеописаний (гл. 7 и 8) можно узнать, что к царству Ци они отношения не имели. А вот какое место в чуском обществе они занимали на старте карьеры, стоило бы сказать.

¹³ Об истории этой дискуссии, выдающейся роли в ней М.В. Крюкова и её результатах подробно рассказано в монографии В.Р. Филиппова «Советская теория этноса: историографический очерк» [91].

¹⁴ *Дянь* – жители государства в районе оз. Дянь (пров. Юньнань), элиты которого были индоевропейцами (видимо, саками), а основная часть населения – тайцами, носителями донгшонской культуры. Вряд ли можно согласиться с М.В. Крюковым, который считал, что к числу их потомков относятся «современные народы группы *шцзу*» (с. 378). Ведь *шцзу* – это тибето-бирманцы, а значит, к жителям государства Диен вряд ли могли иметь какое-либо отношение. Они жили за пределами круга распространения донгшонской культуры и являлись носителями иных культурных традиций.

¹⁵ В рассматриваемой работе термины, связанные с использованием слова *хуася*, представляются неудачными не только из-за отсутствия объяснений их содержания, но и из-за использования одного и того же термина в разных значениях. Пролистав том до с. 52, мы узнаём, что *хуася* – это «весь китайский этнос», а дойдя до с. 366, встретим уведомление, что *хуася* – это и есть «древнекитайская этническая общность», которая «сложилась в первой половине I тыс. до н.э. в процессе контактов с различными народами Восточной Азии».

¹⁶ В монографии 1978 г. была предпринята попытка наметить и этапы древнейшей истории «этнических древних китайцев». Она интересна тем, что построена с учётом антропологического и археологического материала (но без учёта лингвистических данных). В ней есть место и южному компоненту [44, с. 145–149]. С этим с точки зрения современных представлений сложно согласиться. Наши взгляды изложены в серии совместных с Д.В. Деопиком работ [24–27].

¹⁷ В тексте книги время от времени прорывается особая значимость Чу. Например, на с. 27 читаем: «Первые уезды появились в Чу в 688 г. до н.э., а в царстве Цзинь в 627 г. до н.э.».

¹⁸ Авторы хорошо это знают, в книге написано: «Сподвижники Лю Бана (первого императора Западной Хань! – М.У.) выступили под лозунгом „Восстановим Великое Чу“, ибо они были уроженцами Чуского царства» (с. 70).

¹⁹ Тогда становится понятным, почему, ссылаясь на мифологию, при обсуждении этнического происхождения *маней* одной из южных областей Чу, автор упоминает *яо* (*миенов*).

²⁰ Используя слово «абориген» применительно к жителям царства Чу, стоит помнить, что даосизм возник именно в среде «аборигенов» Средней Янцзы, а философы Лао-цзы и Чжуан-цзы, первый лирический поэт Цюй Юань являлись выходцами из Чу. Об этом сообщается в разделе о даосизме в ч. I (с. 118, 125).

²¹ Устное сообщение Г.С. Старостина.

²² Сейчас, благодаря изучению археологического материала, можно говорить о том, что предки населения царства Чу (протохмонги?) создали ряд высокоразвитых культур, например, Шицзяхэ-2 (2500–2100 до н.э.), Паньлунчэн (ок. 1400–1300 до н.э.) и участвовали в создании культуры Эрлиган (ок. 1450–1200 до н.э.). Само царство Чу возникло до начала Западной Чжоу (1027–771 до н.э.). Кроме того, предки юэ Нижней Янцзы (протовьеты), жителей более восточных царств У и Юэ, являлись создателями культуры Лянчжу-2 и 3 (2500–1900 до н.э.), а значит – первых в Восточной Азии государств, возникших к середине III тыс. до н.э.

²³ В работах Д.В. Деопика (в написании некоторых из них принимал участие автор данной работы) говорилось о Восточной Азии как о «двуедином регионе», а о китайских империях как «двуединых империях». В частности, статья 2012 г. была посвящена истории складывания Восточной Азии как «двуединого» Региона, статья 2013 г. – завершению его формирования. А в вышедшей уже после публикации рассматриваемого тома работе излагались результаты исследования исторического процесса от «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи» [24; 25; 26].

²⁴ В рассматриваемой книге написано: «В то же время, вероятно, было бы ошибкой преувеличивать степень интенсивности ассимиляционных процессов, протекавших на юге страны в эпоху Хань. Даже на территории нынешней Хунани, подвергшейся китаизации раньше других районов юга империи, помимо древнекитайского в I–II вв. обитало значительное местное население, оттеснённое колонистами в горные области» (с. 363). Поэтому применительно к эпохе Чжаньго и значительной части Западной Хань в отношении между народами Средней Хуанхэ и Средней Янцзы речь идёт о более сложных процессах, чем ассимиляция. Неслучайно М.В. Крюков в более поздней работе применил понятие «аккультурация», указывая, что в этнологии это «приобретение основных черт нового состояния при сохранении основных черт исконного» [48 с. 268–269]. На наш взгляд, об ассимиляции можно говорить применительно к степняцким народам, которые изначально жили в зоне умеренного климата, в том случае, если они переселялись в сельскохозяйственные районы, населённые *хуася*.

²⁵ В монографии 1983 г. есть ссылки на статью С.И. Брука и Н.Н. Чебоксарова 1976 г., но во Введении их имена не указаны, хотя именно они обратили внимание на возможность сравнения Древнего Китая с периодом эллинизма [8]. Их идеи во многом развивал М.В. Крюков в монографии и в более ранней статье [45].

²⁶ Напрашивается ещё одна историческая аналогия: циньцев, покоривших царства периода Чжаньго при Цинь Шихуане к 221 г. до н.э., можно сравнить с македонцами, покорившими Элладу при царе Филиппе II к 338 г. до н.э.

²⁷ В томе состояние источниковой базы по описываемым периодам никак не отражено. Не сказано даже об основном событии в отечественной синологии – издании полного перевода «Исторических записок» Сыма Цяня, а также о вышедшем не так давно переводе и исследовании одного из важнейших источников по периоду Чжаньго: «Древнем тексте „Бамбуковых анналов“» [4].

²⁸ За последние несколько лет в российской историографии о Чжаньго, кроме упомянутой 3-томной монографии Л.С. Васильева [13], вышел ряд статей, которые позволяют расширить представления о политическом процессе в этот период: в частности, три статьи П.В. Халтуриной, посвящённые детальному изучению политической борьбы между царствами Вэй, Чжао, Хань и Цинь за Великую равнину. В них специально обращалось внимание на закономерности протекания политических процессов в период Чжаньго [93–95]. Автором этих строк была разработана общая периодизация периода Чжаньго [86; 87]. За эти годы также вышло несколько статей по политической истории царства Цинь (М.С. Целуйко), Западной Хань (В.В. Башкеева, М.С. Королькова) и Восточной Хань (А.К. Коробицыной). Исследовались и другие аспекты древнекитайской истории.

²⁹ Например, на с. 373, в разделе, написанном М.В. Крюковым (ч. IV, гл. 1), читаем: Сыма Цянь «пользуется несколькими терминами, обозначающими различные группы племён юэ: дунъюэ („восточные юэ“), минъюэ („юэ, живущие в районе Минь“), нанъюэ („южные юэ“), оуъюэ („юэ, живущие в Оу“) и т.д.» (также см. с. 374). Хотя известно, что всё это – государства, на которые распалось царство Юэ. Там были свои династии, археология даёт сведения о месторасположении их столиц и т.п. Не чувствуя противоречия, на с. 375 автор всё-таки называет Нанъюэ государством, но пишет его с маленькой буквы. И только начиная со с. 477 – с большой. Отрадно, что для В.М. Майорова это не секрет, ранее на с. 246 (ч. III, гл. 1) он писал: «На территории современной провинции Фуцзянь существовали независимые государства Дунъюэ и Минъюэ, в нынешнем Гуандуне располагалось государство Нанъюэ, в Юньнани – государство Дянь».

³⁰ В качестве примера такой академической истории можно назвать работу «История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть I. Месопотамия» под редакцией И.М. Дьяконова [33].

Литература

1. *Авдиев В.И.* История Древнего Востока. М., 1953.
2. *Агаев А.Г.* Народность как социальная общность // Вопросы философии, 1965, № 11.
3. *Адамчик А.А., Адамчик М.В. и др.* История Китая. Минск, 2004.
4. Бамбуковые анналы (Губэнь Чжушу цзинянь) / Изд. текста, пер., вступ. ст., коммент. и приложения *М.Ю. Ульянова* (при участии *Д.В. Деотика* и *А.И. Таркиной*). М., 2005.
5. *Бокшанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В.* История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.
6. *Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* О соотношении истории, этнографии и социологии // Советская этнография, 1969, № 3.
7. *Бромлей Ю.В., Крюков М.В.* Этнография: место в системе наук, школы, методы // Советская этнография, 1987, № 3.
8. *Брук С.И., Чебоксаров Н.Н.* Метаэтнические общности // Расы и народы. Вып. 6. 1976.

9. *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
10. *Васильев Л.С.* Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961.
11. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.
12. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. Формирование основ социальной структуры и политической администрации. М., 1983.
13. *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. 1–3. М., 1995–2006.
14. *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1–2. М., 1998.
15. *Вахтин Б.Б., Карлина Р.Г.* и др. Страна Хань (Очерки о культуре древнего Китая) / Под общей ред. *Б.И. Панкратова*. Л., 1959.
16. *Вигасин А.А.* История Древнего Востока. М., 2006.
17. Всемирная история. В 6-и тт. Т. 1, М., 1955; Т. 2, М., 1956.
18. Всемирная история. Т. 1. Древний мир. М., 2011.
19. *Го Мо-жо.* Бронзовый век. М., 1959.
20. *Го Мо-жо.* Эпоха рабовладельческого строя. М., 1956.
21. *Грэй Дж.Г.* История Древнего Китая. М., 2006.
22. *Дельнов А.А.* Китай. Большой исторический путеводитель. М., 2008.
23. *Деопик Д.В.* Четыре этнода об истории древней Восточной Азии: взгляд с Юга // 41-я НК ОГК. Т. ХLI. М., 2011.
24. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. // 42-я НК ОГК. Т. ХLII, ч. 1. М., 2012.
25. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э.: складывание «двуединого» Региона // 42-я НК ОГК. Т. ХLII, ч. 3. М., 2012.
26. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у хуася во II тыс. до н.э. // 43-я НК ОГК. Т. ХLIII, ч. 1. М., 2013.
27. *Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* От «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи»: периодизация исторического процесса в центре Восточной Азии с 2500 г. до н.э. по 220 г. н.э. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.
28. Древние цивилизации. М., 1989.
29. *Елисеев Д.* История Китая. Корни настоящего. СПб., 2008.
30. *Жерне Ж.* Древний Китай. М., 2004.
31. История Востока. Т. 1. М., 2002.
32. История Древнего Востока / Под ред. *В.И. Кузицина*. 1-е изд. М., 1979.
33. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть I. Месопотамия / Под ред. *И.М. Дьяконова*. М., 1983.
34. История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. *А.В. Седова*. М., 2004.
35. История древнего мира / Под ред. *И.М. Дьяконова*. Т. 1–3. М., 1982–1983.

36. История Китая с древнейших времён до наших дней / Под ред. Л.В. Симоновской, М.Ф. Юрьева. М., 1974.
37. История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998.
38. Итс Р.Ф., Смолин Г.Я. Очерки истории Китая с древнейших времён до середины XIII в. Пособие для учителей. Л., 1961.
39. Кара-Мурза Г.С. Древний Китай (лекции). М., 1939.
40. Каменарович И. Классический Китай, М., 2006.
41. Козлов В.И. О понятии этнические общности // Советская этнография, 1967, № 2.
42. Крюгер Р. Китай. История страны. М., 2008.
43. Крюков М.В. Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II–I тысячелетия до н.э. (к проблеме корреляции понятий этническая общность – этноним) // Этнонимы. М., 1970.
44. Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978.
45. Крюков М.В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
46. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
47. Крюков М.В. Ещё раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография, 1986, № 3.
48. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
49. Крюков М.В. Китайские учёные о таксономии этнических общностей // Советская этнография, 1987, № 6.
50. Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Вып. 18. М., 1988.
51. Крюков М.В. Советская этнографическая наука нуждается в перестройке // Советская этнография, 1988, № 1.
52. Крюков М.В. Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации) // Советская этнография, 1989, № 4.
53. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М., 1993.
54. Кузицин В.И., Кучера С. История Древнего Востока. М., 2012.
55. Кучера С. Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М., 1977.
56. Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М., 1996.
57. Ладынин И.А., Бухарин М.Д., Ляпустин Б.С., Немировский А.А. История Древнего Востока. М., 2009.
58. Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // Вопросы истории, 1967, № 3.
59. Лёве М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура. М., 2005.
60. Лисевич И.С. Мозаика древнекитайской культуры: избранное. М., 2010.
61. Ломбар Д. Императорский Китай. М., 2004.
62. Мамаев И.К., Колоколов В.С. Китай. М., 1924.

63. *Малявин В.В.* Сильные дома и идейная борьба в Китае II–III вв. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 1976.
64. *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М., 1983.
65. *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая. II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия. М., 2002.
66. Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн / Под ред. *Шан Юэ*. М., 1959.
67. *Переломов Л.С.* Крестьянское восстание в Китае в 209–208 гг. до н.э. // Советское востоковедение, 1956, № 3.
68. *Переломов Л.С.* Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 г. до н.э.). М., 1962.
69. *Переломов Л.С.* О характере движущих сил войны 209–202 гг. до н.э. в Китае // Народы Азии и Африки, 1962, № 1.
70. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
71. *Переломов Л.С.* Слово Конфуция. М., 1992.
72. *Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
73. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., комментарии. М., 1998.
74. *Попов А.Д.* Очерк истории Китая. Харьков, 1925.
75. *Сафаров Г.И.* Очерки по истории Китая. М., 1933.
76. *Свет Я.М.* За кормой сто тысяч ли. М., 1960.
77. *Симоновская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф.* Очерки истории Китая. М., 1956 (1-е изд.).
78. *Симоновская Л.В.* Вопросы периодизации древней истории Китая // Вестник древней истории, 1950, № 1.
79. *Симоновская Л.В.* Великая крестьянская война в Китае. 1628–1645 гг. М., 1958.
80. *Симоновская Л.В.* Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966.
81. *Степугина Т.В.* Государство и общество в древнем Китае // Государство на древнем Востоке. М., 2004.
82. *Струве В.В.* История Древнего Востока. М., 1941.
83. *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
84. *Токарев С.А.* Проблемы типов этнической общности // Вопросы философии, 1964, № 11.
85. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
86. *Ульянов М.Ю.* О выделении периодов при описании исторического процесса на примере периодизации Чуньцю (771–453 до н.э.) и Чжаньго (453–221 до н.э.) в истории Древнего Китая // Научная конференция «Ломоносовские чтения» (Апрель 2008). Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008.
87. *Ульянов М.Ю.* К вопросу о периодизации истории царства Цинь (11 в. до н.э. – 207 г. до н.э.) и последующих событий, приведших к возникновению государства Западная Хань (202 г. до н.э. – 8 г. н.э.) // Научная конференция

«Ломоносовские чтения» (Апрель 2008). Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2010.

88. *Ульянов М.Ю.* Опыт внедрения кафедральных исследовательских проектов в научной работе студентов-китаистов // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. II. Минск, 2011.

89. *Ульянов М.Ю.* Избранная библиография по истории Древнего Китая // Архив российской китаистики. Т. 1. М., 2013.

90. *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М., 1958.

91. *Филиппов В.Р.* «Советская теория этноса». Историографический очерк. М., 2010.

92. *Фицджеральд Ч.П.* История Китая. М., 2008.

93. *Халтурина П.В.* Борьба за Великую Равнину в период Чжаньго: войны между царствами Вэй и Цинь // 41-я НК ОГК. Т. ХLI. М., 2011.

94. *Халтурина П.В.* Внешняя политика Хань в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.) // *Per aspera*, № 2. М., 2011.

95. *Халтурина П.В.* Основные этапы формирования земель царств Вэй, Хань, Чжао и их завоевания Цинь в период Чжаньго: опыт картографического исследования // 42-я НК ОГК. Т. ХLII, ч. 1. М., 2012.

96. *Харнский К.А.* Китай с древнейших времён до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.

97. *Чебоксаров Н.Н.* Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских учёных // Советская этнография, № 1964, № 11.

98. Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзина») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. *В.М. Майорова*; послесл. *В.М. Майорова* и *Л.В. Стеженской*. М., 2014.